

ОНТОЛОГИЯ ИЗБЫТКА И ПРОБЛЕМА ПРЕКАРНОСТИ

Д.С. Шалагинов

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва

deterritorisation@yandex.ru

В статье рассмотрены основания постоперанализма в частности и онтологии избытка в целом в их связи с проблемой прекарности. Представлена критика спорных теоретических аспектов соответствующих онтологических построений и в особенности антикапиталистических социально-политических проектов, на них основанных. Большое внимание уделено вопросу о номадизме, идея которого, будучи перенесенной из контекста философии Делёза и Гваттари на почву современного автономного марксизма и став одним из важных моментов постопераналистской теории (прекарное множество, разделяющее невозможность чувствовать себя в собственном доме, фигура мыслителя-иностранца), воспринимается как освободительная. Но в то же время нельзя не замечать ее сходства с позднекапиталистической идеологией мобильности.

Ключевые слова: постоперанализм, избыток, прекарность, номадизм, детерриторизация, капитализм.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-4.1-78-87

Никогда не верьте, что для нашего спасения
достаточно гладкого пространства.

*Ж. Делёз, Ф. Гваттари. «Тысяча плато:
Капитализм и шизофрения»*

В одном из пассажей «Человеческого, слишком человеческого» Ницше приводит портрет мыслителя-номада, способного находить радость в перемене и тленности в силу того, что в нем самом есть нечто странствующее [10]. Предпосылкой становления странником, согласно мысли немецкого философа, является относительная свобода разума, имеющая своим эффектом осознание невозможности конечной цели, которому неизбежно сопутствует нежелание привязываться к единичному. Неожиданным образом мы встречаем фигуру мыслителя-странника в, казалось бы, совершенно далеком от нищезанятия контексте — в области рассмотрения проблемы прекарности, или, как пишет один из

ключевых теоретиков современного автономного марксизма Паоло Вирно, «общей рискованности существования в мире», напрямую связанной с развитием концепта множества в постопераналистской политической онтологии. Для того чтобы подробнее обсудить проблему прекарности и возникающие в связи с ней вопросы относительно защитных ресурсов множества в данном контексте, мы обратимся к широкому теоретическому спектру и, помимо трудов Паоло Вирно, Антонио Негри, Майкла Хардта и других представителей автономного марксизма, будем апеллировать к текстам, связанным с проблематикой номадизма как таковой — в первую очередь к «Трактату о номадологии» Жюль Делёза и Фелик-

са Гваттари, вошедшему в их *opus magnum* «Тысяча плато» (1980), вторую часть диалогии «Капитализм и шизофрения».

I

Как было заявлено выше, приведенный пассаж Ницше в некоторой степени резонирует с одним из мотивов (мыслитель-странник), красной нитью проходящих через текст Паоло Вирно. Речь идет о «Грамматике множества: к анализу форм современной жизни» [4] — книге, возникшей в результате проведенного итальянским философом семинара на факультете социологии Университета Калабрии в январе 2001 года. Эта небольшая работа является одним из ключевых текстов постопераизма наряду с «Империей» [14] и «Множеством» [15] Майкла Харата и Антонио Негри. Необходимо сказать хотя бы несколько слов о том, что такое постопераизм. Речь идет о течении автономистского марксизма, пришедшем на смену операизму. Последний являлся формой марксизма, которая возникла в 60-е годы прошлого века на основе критики традиционных марксистских ценностей «освобожденного труда». Теоретики этого течения заявляли о несводимости жизни к труду и отказывались от попыток проектирования общества неотчужденного труда в рамках фордистского конвейера, который, по их мнению, должен был уступить место информационному обществу. Бюрократический капитализм, характерный для советского социума, лишь усугубил эксплуатацию рабочих. Таким образом, реальной альтернативы западной модели операисты не видели. Это привело к разработке стратегии отказа от труда в условиях фордистского производства, которое имело своей целью форсированное развитие новых технологий. В сущности, идеи постопера-

истов являются результатом операистского ренессанса в изменившихся социально-политических условиях, а именно в ситуации постфордизма, т. е. общества, основанного на информационных технологиях. Можно было бы сказать, что цель операизма, в конечном итоге потерпевшего историческое поражение, достигнута: ведь фордистский трудовой конвейер был заменен постфордистским нематериальным трудом, основанным на информационных технологиях и коммуникации. Но целью итальянского автономного марксизма было не только исключить индустриальный конвейер посредством практик саботажа, которые активно разрабатывались представителями течения, но трансформировать самого трудящегося субъекта, эмансипировав его от капиталистического аппарата. В этом и есть суть понятия «исход». В частности, Франко «Бифо» Берарди назвал главным моментом теории операизма, разрабатывавшейся в трудах Романо Алкуати, Марио Тронти, Антонио Негри, Раньеро Панцери, именно переосмысление понятия субъекта, которое должно быть очищено от гегельянских коннотаций: «Вместо исторического субъекта, оставшегося от гегельянского наследия, мы должны говорить о процессе субъективации. Концептуальное место субъекта занимает субъективация» [2]. Здесь мы сталкиваемся с очевидным влиянием на формирование и развитие операистской мысли как Альтюссера с его идеей истории как процесса без субъекта [1, с. 116], так и Делеза/Гваттари, одним из основных теоретических мотивов которых является производство субъективности.

Одним из наиболее характерных признаков как операизма, так и постопераизма является их открытость новейшим теоретическим разработкам. В частности, на

формирование онтологии множества Негри, Хардта, Вирно как нестабильной онтологии избытка, в терминологии Оливера Мархарта, оказали значительное влияние идеи Делёза, Гваттари, Фуко. Напомним, что нестабильными австрийский исследователь называет онтологии, деконструирующие принцип достаточного основания. Он весьма условно подразделяет их на три типа – различия, нехватки и избытка. Формат нашего текста, к сожалению, не позволяет подробно обсудить все три типа и провести между ними четкие границы. Скажем лишь, что постопераисты являются теоретическими последователями делёзианства: если у Делёза и Гваттари в «Анти-Эдипе» [6] избыток выражается в отказе от гегельянской негативности в пользу позитивности бытия и виртуальной бесконечности желания, то в случае с Негри, Вирно и прочими мы имеем дело с бесконечностью креативного потенциала нового субъекта труда – множества.

Именно развитию концепта множества и посвящена работа Вирно. Для его экспликации итальянский теоретик обращается к понятию народа и к двум приемным отцам этих концептов – Гоббсу и Спинозе. Если Спиноза рассматривал термин *multitudo*, указывающий на форму социополитического существования многих в качестве многих, т. е. на множественность, не соединяющуюся в Единое в центристском движении, как краеугольный камень гражданских свобод, то для Гоббса множество являлось синонимом естественного состояния, т. е. содержало очевидную угрозу для монополии государства на политические решения: «...множество – негативное понятие: не позволяющее себе стать народом, оспаривающее государственную монополию на принятие политических

решений, – короче говоря, всплеск “естественного состояния” в гражданском обществе» [4, с. 14]. Возрождение интереса к понятию множества Вирно связывает с кризисом современного государства как формы. Множество существенным образом отличается от народа, единство которого сводится к единству государства, тогда как множество состоит не из граждан или производителей – оно характеризуется расположением между коллективным и индивидуальным и подрывает различие между общественным и частным.

Центральная идея онтологии множества заключена в том, что оно отнюдь не противопоставляется единству, но перепределяет его. Единое многих не имеет никакого отношения к государству, оно относится к области общих родовых способностей – языку, интеллекту. Набрасывая существенные черты множества, Вирно обращается к диалектике страха/тревоги. Если страх ограничен своим объектом, а значит, может быть определен и назван, то тревога сопряжена со страхом перед миром как таковым, т. е. связана с некоей абсолютной опасностью. Разделение страха на определенный и неопределенный, согласно мысли итальянского философа, характерно для традиционного общества, которое становится руслом, придающим направление коллективному опыту. Таким образом, страх возможен внутри сообщества с присутствием ему устойчивым этосом, тогда как тревога сопряжена с удалением от привычного мира, с выходом в неопределенное и безграничное внешнее. Но если понятие народа связано с четким разделением на «внутри» и «снаружи», то множество возникает как раз из-за стирания этой границы. Это стирание происходит в связи с исчезновением традиционных сообществ. Фактор,

являющийся, по сути, предпосылкой дестабилизации реальности и соответствующего отражения ее в онтологических и антропологических конструктах: «Сегодня любые стремительные перемены не столько отменяют традиционные и повторяющиеся формы жизни, — пишет Вирно, — сколько влияют на самих индивидуумов, предоставленных воздействию всего самого непривычного и неожиданного, приноровившихся к частым изменениям и уже привыкших не иметь твердых привычек. Речь идет о всегда и в каждом случае обновляемой реальности» [4, с. 24–25]. В этом и состоит причина неэффективности использования оппозиции внутреннее/внешнее, поскольку современные формы жизни с присущим им постоянным риском ведут к прямым отношениям с неопределенностью мира.

И здесь мы, следуя мысли итальянского теоретика, подходим к экспликации концепта прекарности, под которой понимается именно состояние общей рискованности существования в мире, имеющее своим истоком размывание границы между страхом и тревогой. Необходимо заметить, что в данной работе мы обращаемся к концепту прекарности в контексте автономистского марксизма с его проблематикой нематериального труда и обходим стороной смысловое содержание, которое вкладывается в этот термин в контексте гендерных исследований и *queer studies* (например, в работах Джудит Батлер), так как формат представленного текста не позволяет нам осуществить исчерпывающий анализ прекарности, концепт которой мы рассматриваем именно в связи с онтологией избытка. Итак, Вирно говорит о некоей тревожности страха. Если традиционное сообщество, со свойственной ему устойчивостью языковых игр и каждодневных практик, из-

бавляло индивидуума от прямого отношения с миром, то нынешняя ситуация, с характерным ускорением социокультурных процессов, напоминает, скорее, существование вне стен сообщества. Неадекватность дихотомии внутреннее/внешнее состоит еще и в том, что если прежде страх мог считаться чувством общественным, а тревога — индивидуальным, то прекарность, растерянность, «беспокойство» становятся причиной ощущения, которое является основополагающим для множества, — неспособности ощущать себя в собственном доме: «Народ един, потому что субстанциальное сообщество содействует успокоению страхов, возникающих из-за опасностей окружения. Множество же разделяет ощущение “не чувствовать себя в собственном доме”, тотальную незащищенность по отношению к миру» [4, с. 27]. Для описания стратегии защиты, свойственной множеству, мыслитель реанимирует аристотелевское понятие «общих мест» (*topoi koinei*), среди которых — отношение между более и менее, отношение оппозиции и категория взаимности. Итальянский теоретик считает, что именно общие места — в противоположность частным, характерным для языка отдельных социальных групп, — способны сегодня предоставить критерий для ориентации в мире и тем самым являются как формой защиты для прекарного множества, так и предпосылкой онтологического единства многих. Это своего рода сюжет жизни разума, разделяемый ресурс, к которому люди, неспособные ощущать себя в собственном доме, прибегают с целью защиты от неопределенности мира.

Для характеристики общих мест как разделяемых логико-лингвистических способностей Вирно использует марксистский термин *General intellect*. Чтобы связать кон-

целит General intellect с «бездомным», номадическим способом бытия множества, теоретик снова обращается за помощью к Аристотелю, который сравнивает жизнь мыслителя с существованием иностранца. Вирно переворачивает аристотелевское сравнение, заявляя о том, что в современной ситуации не мыслитель занимает положение иностранца по отношению к обществу, но иностранцы, т. е. бездомное множество, вынуждены достигать статуса мыслителей в том смысле, что для выживания и защиты от неожиданностей они обращаются к категориям абстрактного интеллекта, иначе говоря — лингвистическим способностям, характерным для всех и каждого. И здесь уместно вспомнить о том, что Ницше писал о жизни философа-странника. Но если для немецкого философа номадизм имеет предпосылкой относительную свободу разума, которая подталкивает свободный ум к странствиям, то для Вирно номадизм — *defacto* неотъемлемая черта множества как современного субъекта труда: «...множество “бездомных” доверяется интеллекту, “общим местам”, и по-своему это множество представляет собой множество мыслителей (даже тогда, когда у кого-то из них нет диплома об окончании средней школы и он не желает читать даже под пыткой)» [4, с. 35]. Вирно неоднократно заявляет о том, что множество суть способ быть амбивалентным (*tobeessentiallyamphibian* [20]). Это неоднозначное отношение итальянского философа к концепту, который несомненно является центральным как для его собственных теоретических построений, так и для всего (пост-) операистского лагеря, резонирует с мыслью, важной для Делёза и Гваттари — теоретиков, чьи работы во многом являются основополагающими для итальянского автономного марксиз-

ма. Проблемы, неизбежно возникающие в контексте разговора о множестве, могут быть суммированы в одном из предупреждений французского философского тандема, которое мы хотели бы использовать для формулировки тезиса настоящего текста.

Итак, тезис, который мы намереваемся отстаивать в данной работе, можно выразить, прибегая к емкой формуле Делёза и Гваттари: «Никогда не верьте, что для нашего спасения достаточно гладкого пространства» [7, с. 851]. То есть вопреки оптимистическому взгляду таких теоретиков, как Негри, Хардт и даже Вирно, нам бы хотелось предпринять скромную попытку проиллюстрировать негативную составляющую теоретической ставки на номадизм. Для того чтобы объяснить, что подразумевается под понятиями гладкого и рифленого и какое отношение эта концептуальная оппозиция имеет к способу бытия множества, мы обратимся к такому тексту французского тандема, как «Трактат о номадологии: машина войны» [7].

II

В «Трактате о номадологии» Жиль Делёз и Феликс Гваттари констатируют внешний по отношению к государству характер машины войны [7, с. 587]. Машина войны никоим образом не должна быть отождествлена с военным институтом. Государство создает среду внутреннего, сохраняя ее посредством полиции и тюрьмы. Оно заполучает армию путем юридической интеграции войны и организации военной функции, тогда как машина войны всегда предшествует закону и государственной суверенности. Это что-то вроде — и тут мы встречаемся с уже знакомым термином! — «чистого, лишённого меры *множества*, стаи» [7, с. 589], содержащей в себе потенциал

изменения. Итак, государство не обладает машиной войны (концепт которой как раз таки призван к тому, чтобы очертить некий антигосударственный, антииерархический способ бытия), но лишь присваивает ее в форме военного института, к которому, впрочем, относится с подозрением, поскольку последний наследует внешний характер машины войны. Война – механизм, поддерживающий рассеивание групп, тормозящий консолидацию устойчивых властных полномочий, ограничивающий обмены, не позволяющий им стать фактором Государства. Это, по мнению Делёза/Гваттари, отнюдь не естественное состояние вопреки тому, что думал о ней Гоббс, а форма социального, предотвращающая появление государства [7, с. 598]. Для описания функционирования машины войны философы прибегают к модели банды, члены которой собираются исключительно для совместных грабежей и разбегаются после раздела добычи: «Стан, банды – это группы типа ризомы, в противоположность древесному типу, концентрирующемуся на органах власти. <...> банды вообще ... – это метаморфозы машины войны, формально отличной от любого аппарата Государства или его эквивалентов, который, напротив, структурирует централизованные общества» [7, с. 599–600].

Делёз и Гваттари рассматривают машину войны как изобретение кочевников. Жизнь кочевника – некое межбытие. Философы вводят два типа распределения пространства – *potos* как «консистенция нечеткого множества», пространство кочевья, и *polis* как пространство государства. Иначе говоря, речь здесь идет о гладком и рифленом, разница между которыми состоит в том, что «в первом случае “мы занимаем пространство, не исчисляя его”, в другом случае

“мы его исчисляем, дабы занять”» [7, с. 605]. Отсюда главная задача государства – рифление пространства, т. е. контроль миграций, установление барьеров на пути движущихся потоков людей, иначе говоря, создание четких границ, измеримых территорий, тогда как гладкое пространство не поддается измерению. В сущности, номадическое (гладкое) в рассматриваемом тексте является концептуальным аналогом ризоматического, а машина войны – одной из аватарризомы. Напомним, что ризома – это антииерархическая (сетевая) открытая система, меняющая свою природу по мере накопления соединений [7, с. 14]. Вспомним об антигосударственном, антииерархическом характере множества [4, с. 14]. Сами Делёз и Гваттари открыто заявляют о том, что множества ризоматичны [7, с. 14], а Харат и Негри определяют множество не иначе, как сеть: «...распределенная, или полноматричная, сеть, у которой нет центра, а все ее узлы могут непосредственно сообщаться со всеми другими» [15, с. 80]. Сходство, если не идентичность, с содержанием концепта Делёза и Гваттари совершенно очевидно. Ризоматическое рассматривается как синоним освободительного, но, с другой стороны, сами Делёз и Гваттари говорят о ризоматической бюрократии в романе Кафки [7, с. 26], ризоматическом деспотизме [7, с. 36] и – что чрезвычайно важно для нас – капитализме, который, по словам авторов, сразу и корень, и ризома [7, с. 35–36].

Уже Бодрийяр критиковал проект Делёза/Гваттари, заявляя, что воспеваемый ими животный номадизм как метафора работы бессознательного – не более чем «мистика высвобожденных, незакодированных сил, без каких-либо иных целей, кроме собственного фонтанирования» [3, с. 186]. Более того, французский теоретик открыто за-

являет о предельном сходстве стратегии детерриторизации, уклонения/ускорения и схемы капиталистической экономики: «Природа, свобода, желание и т. д. даже не выражают мечты, которая была бы противоположна капиталу, они непосредственно отражают прогресс и разрушительное действие этой культуры, они даже предвосхищают его, ведь они грезят о полной детерриторизации там, где система навязывает ее лишь частично: требование “свободы” — это всегда только требование идти дальше системы, но в том же направлении» [3, с. 186]. В свою очередь, Слотердаjk отмечает аналогичные проблемы в теории Негри и Хардта: называя «Империю» не иначе, как пантеистической пародией на августиновское противопоставление града земного и града Божия, он проводит аналогию между множеством и церковью: если вторая подчас неотличима от мира, которому противостоит, то первое не может отделить себя от капитала, с которым вроде бы не желает иметь ничего общего. Опираясь на тезисы Хардта/Негри, Слотердаjk приходит к выводу о том, что если никакого Внешнего действительно нет, то исход из системы невозможен, и резюмирует: «Иное, желая быть совершенно другим, есть то же самое; желая быть в совершенно другом месте, оно остается там, где находится» [12, с. 842–843].

Впрочем, здесь нужно вспомнить о том, что Паоло Вирно неоднократно заявляет об амбивалентности множества. В частности, он говорит о том, что если публичность General intellect, в сфере которого множество, разделяющее ощущение бездомности (прекарность), единственно способно найти защиту, не движется по направлению к формированию некоего публичного пространства, в котором «многие» могут заботиться об общих делах, она ведет к бесконтроль-

ному разрастанию форм иерархии и усугублению личной зависимости [4, с. 36–39]. Тем не менее Вирно считает General intellect производительным ресурсом, способным дать начало развитию форм непредставительной демократии, истоком которых в постоперанризме являются гражданское неповиновение (отказ от обязанности подчинения, которая, согласно Вирно, является причиной и результатом существования государства [4, с. 84]) и исход (состоящий в обращении к неумной изобретательности, дезориентирующей противника). Итальянский теоретик противопоставляет исход (дезертирство) формуле «нечего терять, кроме своих цепей» и воспроизводит стандартный шаг онтологии избытка — обращается к «скрытому богатству», на почву которого и должен опираться акт исхода: если в случае Делёза и Гваттари абсолютная детерриторизация базировалась на избытке желания, то в ситуации исхода мы имеем дело с «избытком знаний, коммуникацией, виртуозным совместным действием, предполагающим публичность General intellect. Дезертирство наделяет этот избыток выражением автономности, утверждающим начала, препятствуя, таким образом, его “передаче” во власть государственной администрации или превращению в производственный ресурс капиталистического предприятия» [4, с. 85].

Насколько серьезно можно относиться к этому философскому оптимизму? Не призывают ли теоретики, прославляющие децентрацию и детерриторизацию субъекта быстроизменяющегося капитализма, как предупреждал Пол Тейлор [13], лишь к адаптивному действию? Попытка ответить на этот вопрос разделяет левоориентированное философское сообщество на два противостоящих друг другу лагеря. Одни, подобно Бенджамину Нойзу, могут обви-

нять современных антикапиталистических теоретиков в переосмысленном Спинозизме, заявляя о том, что их онтология является реактивной контридеологией, противопоставляющей учрежденной власти Государства и Капитала учреждающую власть множества. В результате у нас нет ничего, кроме решетки власти и линий ускользания от нее. Нойз заявляет об отказе «от шантажа онтологии, поскольку свобода несводима к бытию» [11]. Этот взгляд отнюдь не является беспочвенным, ведь как Делёз, так и его последователи испытали огромное влияние философии Спинозы [5]. Другие, подобно левым акселерационистам Алексу Уильямсу и Нику Шрнишеку, считают, что сегодня любой политический проект, ориентированный на трансформацию социально-экономического порядка, должен принимать в качестве своего изначально условия капитализм, поскольку если всерьез отнестись к идее реального подчинения труда капиталу, нельзя игнорировать ее следствие, которое сводится к тому, что вне капитала нет ничего. Стало быть, необходимо обратиться к скрытым производительным силам самого капитализма, высвобождение которых станет инструментом его (капитализма) преодоления [21]. Таким образом, левые акселерационисты предлагают разрушать капитал внутри самого капитала, продолжая имманентистскую тенденцию Делёза, Негри и других.

Фактически на едкое замечание Жижекa: «Вспомним восторги Тони Негри по поводу постсовременного цифрового капитализма, который, по его словам, становится почти неотличим от коммунизма» [8, с. 17], ответить нечем. Можно лишь принять одну из двух сторон, исходя исключительно из собственных симпатий и предпочтений. Однако необходимо констатировать, что пост-

периодический призыв «игнорировать существующие властные структуры» и создавать «альтернативные социальные формы вне сети государственной власти и существующих институций» [9] сам по себе не решает проблемы прекарности. Теоретически обоснованная возможность создания публичной сферы, которая станет ключом к решению этой проблемы, остается запертой в корпусе постопериодических текстов, лишь изредка вырываясь в социально-политическую реальность в виде стихийных автономистских акций. Тем не менее если ставка на творческие способности прекарного множества (независимо от того, является ли оно новым «революционным субъектом», как того хотелось бы Негри/Хардту, или нет) окажется хоть сколько-нибудь оправданной, мы сами станем тому свидетелями. Трансформистский потенциал той или иной концепции способен продемонстрировать лишь изменение повседневных практик, а для того чтобы дело дошло до практик, стоит прислушаться к совету Берарди [2], который видит в самоорганизации когнитивного труда единственный шанс оставить позади психопатическое настоящее.

Литература

1. *Альтюссер Л.* Ленин и философия. – М.: Ад Маргинем, 2005. – 176 с.
2. *Берарди Ф.* Что значит автономия сегодня? [Электронный ресурс]. – URL: http://antijob.net/class_war/id609/ (дата обращения: 24.11.2015).
3. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. – М.: Постум, 2015. – 240 с.
4. *Вирио П.* Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. – 176 с.
5. *Делёз Ж.* Спиноза и проблема выражения. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2014. – 320 с.

6. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения: пер. с фр. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.
7. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.
8. Жижек С. О насилии. – М.: Европа, 2010. – 184 с.
9. Муфф III. Демократическая политика в эпоху постфордизма [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.permm.ru/menu/xzh/arxiv/83/demokraticeskaya-politika-v-epoxu-postfordizma.html> (дата обращения: 25.11.2015).
10. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое [Электронный ресурс]. – URL: <http://userdocs.ru/filosofiya/42077/index.html?page=32> (дата обращения: 25.11.2015).
11. Нойз Б. Анархия-без-анархизма [Электронный ресурс]. – URL: <http://poslezavtra.be/declaration/2012/08/22/bendzhamin-noyz-anarhiya-bez-anarhizma.html> (дата обращения: 25.11.2015).
12. Слотердайк П. Сферы. Плюральная сферология. Т. 3. Пена. – СПб.: Наука, 2010. – 924 с.
13. Тейлор П. Распознавание образов и бытстроизменяющийся капитализм [Электронный ресурс]. – URL: <http://dissers.ru/1/1524-1-hora-2008-raspoznavanie-obrazov-bistroizmenyayuschisya-kapitalizm-chto-govorit-literatura-teoretikam-pot.php> (дата обращения: 25.11.2015).
14. Хардт М., Негри А. Империя. – М.: Праксис, 2004. – 440 с.
15. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. – М.: Культурная революция, 2006. – 559 с.
16. Marchart O. The absence in the heart of presence: radical democracy and the “ontology of lack”// Radical Democracy between Abundance and Lack / eds. L. Tonder, L. Thomassen. – Manchester: Manchester University Press, 2005. – P. 17–31.
17. Virno P. Virtusity and revolution: the political theory of exodus [Electronic resource]. – URL: <http://generation-online.org/c/fcmultitude2.html> (accessed: 26.11.2015).
18. Williams A., Srnicek N. ACCELERATE MANIFESTO for an accelerationist politics [Electronic resource]. – URL: <http://criticallegalthinking.com/2013/05/14/accelerate-manifesto-for-an-accelerationist-politics/> (accessed: 26.11.2015).

ONTOLOGY OF ABUNDANCE AND THE PROBLEM OF PRECARIETY

D.S. Shalaginov

National Research University Higher School of Economics

detrterritorisation@yandex.ru

The article describes foundations of Post-Operaism in particular and ontology of abundance in general in their connection with the problem of precarity. The critique of the debatable theoretical aspects of the congruous ontological constructions and especially anti-capitalist socio-political projects based on them is represented. Much attention is paid to the question of nomadism – the idea of nomadism was transferred from the context of the philosophy of Deleuze and Guattari to the soil of contemporary autonomous Marxism and it has become an important aspect of the post-operaist theory (precarious homeless multitude), from the point of which nomadism is perceived as emancipatory. But we can't help noting its resemblance to the late-capitalist ideology of mobility.

Keywords: Post-Operaism, abundance, precarity, nomadism, deterritorialization, capitalism.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-4.1-78-87

References

1. Althusser L. *Lenin i filosofiya* [Lenin and philosophy]. Moscow, Ad Marginem Publ., 2005. 176 p.
2. Berardi F. *Chto znachit avtonomiya segodnya?* [What is the Meaning of Autonomy Today?]. (In Russian) Available at: http://antijob.net/class_war/id609/. (accessed 24.11.2015)
3. Baudrillard J. *Simulacres et simulation*. Paris, Galilée, 1981. (Russ. ed.: Bodriyar Zh. *Simulyakry i simulyatsii*. Translated from French. Moscow, Postum Publ., 2015. 240 p.).
4. Virno P. *Grammatica della moltitudine: per un'analisi delle forme di vita contemporanee*. Soveria Mannelli, Catanzaro, Rubbettino, 2001. 84 p. (Russ. ed.: Virno P. *Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoi zhizni*. Translated from Italian. Moscow, Ad Marginem Press, 2013. 176 p.).
5. Deleuze G. *Spinoza et le problème de l'expression*. Paris, Éditions de Minuit, 1968. 332 p. (Russ. ed.: Delez Zh. *Spinoza i problema vyrazheniya*. Translated from French. Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 2014. 320 p.).
6. Deleuze G., Guattari F. *Capitalisme et schizophrénie*. Vol. 1. *L'Anti-Oedipe*. Paris, Les Edition de Minuit, 1972 (Russ. ed.: Delez Zh., Gvattari F. *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya*. Translated from French. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2007. 672 p.).
7. Deleuze G., Guattari F. *Capitalisme et schizophrénie*. Vol. 2: *Mille plateaux*. Paris, Les Edition de Minuit, 1980 (Russ. ed.: Delez Zh., Gvattari F. *Tysyacha plato. Kapitalizm i shizofreniya*. Translated from French. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2010. 895 p.).
8. Zizek S. *O nasilii* [On violence]. Moscow, Evropa Publ., 2010. 184 p. (In Russian)
9. Mouffe C. *Demokraticeskaya politika v epokhu postfordizma* [Democratic politics in the postfordist age]. (In Russian) Available at: <http://www.perm.ru/menu/xzh/arxiv/83/demokraticeskaya-politika-v-epoxu-postfordizma.html>. (accessed 25.11.2015)
10. Nietzsche F. *Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe* [Human, Too Human]. (In Russian) Available at: <http://userdocs.ru/filosofiya/42077/index.html?page=32>. (accessed 25.11.2015)
11. Noys B. *Anarkhiya-bez-anarkhizma* [Anarchy-without-anarchism]. (In Russian) Available at: <http://poslezavtra.be/declaration/2012/08/22/bendzhamin-noyz-anarhiya-bez-anarhizma.html>. (accessed 27.04.2015)
12. Sloterdijk P. *Spheres. Plural Spherology*. Bd. 3. *Schäume*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 2004. 917 p. (Russ. ed.: Sloterdijk P. *Sfery. Plural'naya sferologiya*. T. 3. *Pena*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010. 924 p.).
13. Taylor P. *Raspoznavanie obrazov i bystroizmenyayushchiesya kapitalizm* [Pattern recognition in fast capitalism]. Translated from English. (In Russian) Available at: <http://dissers.ru/1/1524-1-hora-2008-raspoznavanie-obrazov-bistroizmenyayushchiesya-kapitalizm-chto-govorit-literatura-teoretikam-pot.php>. (accessed 25.11.2015)
14. Hardt M., Negri A. *Empire*. Cambridge, Harvard University Press, 2000 (Russ. ed.: Khardt M., Negri A. *Imperiya*. Moscow, Praxis Publ., 2004. 440 p.).
15. Hardt M., Negri A. *Multitude: war and democracy in the age of Empire*. New York, The Penguin Press, 2004. 427 p. (Russ. ed.: Khardt M., Negri A. *Mnozhestvo: voina i demokratiya v epokhu imperii*. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2006. 559 p.).
16. Marshart O. The absence in the heart of presence: radical democracy and the "ontology of lack". *Radical Democracy between Abundance and Lack*. Eds. L. Tonder, L. Thomassen. Manchester, Manchester University Press, 2005, pp. 17–31.
17. Virno P. *Virtusity and revolution: the political theory of exodus*. (In Russian) Available at: <http://generation-online.org/c/fcmultitude2.html>. (accessed 27.04.2015)
18. Williams A., Srnicek N. *ACCELERATE MANIFESTO for an accelerationist politics*. Available at: <http://criticallegalthinking.com/2013/05/14/accelerate-manifesto-for-an-accelerationist-politics/>. (accessed 26.11.2015)